

Annotation

- [Лион Спрэг де Камп](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
-

Лион Спрэг де Камп

Лин Картер

ЛОГОВО ЛЕДЯНОГО ЧЕРВЯ

Преследуемый ледяной красотой дочери Имира Атали и заскучав от простой жизни киммерийских поселений, Конан отправляется на юг, в цивилизованные королевства, в надежде найти применение своему мечу, устроившись командиром наемников на службе у разных Гиборейских князьков. В это время ему около двадцати трех лет.

1

Весь день одинокий наездник ехал высоко по склонам Эглофийских гор, которые тянулись через мир с востока на запад как могучая стена из снега и льда, отделяя северные земли Ванахейма, Асгарда и Гипербореи от южных королевств. В середине зимы большая часть перевалов была закрыта. Однако с приходом весны они открывались, чтобы открыть отрядам свирепых светловолосых северных варваров пути, по которым они могли совершать набеги на теплые южные земли.

Этот наездник был один. На вершине перевала, который вел на юг в Пограничное Королевство и Немедию, он сдержал на секунду коня, засмотревшись на фантастический вид перед собой.

Небо представляло собой купол пурпурных и золотых паров, темнеющих от зенита к восточному горизонту пурпуром наступающего вечера. Но огненное великолепие умирающего дня все еще очерчивало белые шапки гор обманчиво-теплым на вид розовым сиянием. Оно отбрасывало темно-лиловые тени на замерзшую поверхность огромного ледника, который извивался как ледяная змея из ущелья между высокими пиками, все ниже и ниже, пока не поворачивал перед перевалом и не уходил затем опять влево, чтобы истощиться у подножий гор и превратиться в водяной поток. Путешествующим через перевал приходилось осторожно выбирать путь мимо края ледника в надежде не провалиться в одну из скрытых на нем трещин и не быть сметенным горной лавиной с высоких склонов. Заходящее солнце превратило ледник в сверкающий багряно-золотой простор. На скалистых склонах, поднимающихся от краев ледника, были редко разбросаны точки — сучковатые карликовые деревья.

Путник знал, что это — Ледник Снежного дьявола, известный также под именем Реки Смертельного льда. Он слышал об этом леднике, хотя за годы странствий ему так и не довелось попасть сюда раньше. Все, что он только слышал об этом охраняемом ледником перевале, было покрыто тенью невыразимого страха. Никто не мог сказать, почему в суровых горах запада в рассказах о Снежном Дьяволе его соплеменники-киммерийцы употребляли самые страшные выражения. Его часто поражали легенды, которых много ходило о леднике и которые наделяли его смутной аурой древнего зла. Рассказывали, что там без вести пропадали целые группы людей.

Киммерийский юноша Конан нетерпеливо отмечал эти слухи. У пропавших, думал он, наверняка не хватало опыта горных переходов и они беспечно забредали на один из тех мостиков из тонкого льда, под которыми скрывались ледяные расщелины. И тогда снежный мост рушился, обрекая их на смерть в зелено-голубых глубинах ледника. Знает Кром, такое случалось довольно часто; не один детский приятель молодого киммерийца погиб таким образом. Но это не значило, что надо говорить о Снежном Дьяволе с дрожью в голосе, смутными намеками и отводя глаза в сторону.

Конан горел желанием спуститься по перевалу к низким плато Пограничного Королевства, потому что ему стала надоедать простая жизнь родных киммерийских селений. Его злосчастные приключения с отрядом златовласых асов в походе на Ванахейм принесло ему много горьких поражений и никакой выгоды. Оно также оставило в его памяти воспоминание о ледяной красавице Атали, дочери ледяного великана, которая чуть не завлекла его на смерть во льдах.

В общем, он получил все, что хотел в суровых северных краях. Он горел желанием вернуться на жаркие земли Юга, вновь испытать радость от шелковых одеяний, золотистого вина, прекрасной еды и нежного женского тела. Довольно, думал он, тоскливого однообразия сельской жизни и спартанской суровости полевой жизни!

Его конь вышел к месту, где ледник пересекал прямую дорогу к равнинам. Конан слез с седла и повел животное по узкой тропинке, слева от которой был ледник, а справа — высокий, укрытый снегом склон. Его огромная накидка из медвежьей шкуры была велика даже для его громадной фигуры. Она скрывала кольчугу и широкий меч на бедре.

Его глаза вулканического голубого цвета сверкали из-под края рогатого шлема, а шарф закрывал и нижнюю часть лица, чтобы защитить легкие от остроты холодного воздуха высот. В свободной руке он нес тонкую пику. Там, где тропинка извивалась по поверхности ледника, Конан шел осторожно, втыкая конец пики в снег в тех местах, где могла скрываться расщелина. Боевой топор висел на ремне, прикрепленный к седлу.

Он приблизился к концу узкой тропинки между ледником и горой, где ледник сворачивал влево, а тропинка продолжала спускаться по широкой пологой поверхности, слегка покрытой весенним снегом, на которой попадались валуны и холмики. Вдруг крик ужаса заставил его резко обернуться и вскинуть покрытую шлемом голову.

Слева от него, на расстоянии полета стрелы, где ледник в последний

раз выравнивался прежде чем начать свой окончательный спуск, группа косматых неуклюжих существ окружила стройную девушку в белых мехах. Даже с такого расстояния сквозь чистый горный воздух Конан мог различить теплый, с румяными щечками овал ее лица и копну блестящих коричневых волос, которые выбивались из-под ее белого капюшона. Она была настоящей красавицей.

Не оставив себе времени на раздумья, Конан сбросил свою накидку и, опершись на пику, вспрыгнул в седло. Он дернул за поводья и ударил в ребра коня шпорами. Когда перепуганное животное подалось слегка назад из-за спешки, с которой было сдержано его движение вперед, Конан открыл рот, чтобы произнести проклятие и страшный боевой клич киммерийцев, но тут же закрыл его. Будучи молодым человеком, он бы издал этот клич, чтобы вдохновить себя, но годы службы в Туране научили его некоторой хитрости. Не было смысла предупреждать нападавших на девушку о своем появлении раньше времени.

Впрочем, они услышали его приближение довольно скоро. Хотя снег заглушал стук конских копыт, слабый звон кольчуги, скрип седла и сбруи заставили одного из них обернуться. Этот человек что-то крикнул и потянул за руку соседа, и через несколько секунд все они повернулись в сторону приближающегося Конана и подготовились встретить его.

Там было с десяток горных людей, вооруженных толстыми деревянными дубинами, топорами и копьями с каменными наконечниками. Это были приземистые существа с короткими конечностями, закутанные в рваные грязные куски меха. Маленькие, налитые кровью глаза горели из-под нависающих бровей и покатых лбов; толстые губы растянулись, обнажив большие желтые зубы. Они напоминали остатки какой-то из ранних стадий эволюции человека, о которых Конан однажды слышал спор придворных философов немедийских замков. Но сейчас, однако, он был слишком сильно занят управляя конем и целясь пикой, чтобы уделить этому предмету более чем одно мимолетное воспоминание. И он обрушился на них как гром небесный.

2

Конан знал, что с таким количеством пеших врагов можно справиться единственным способом — полностью использовать преимущество подвижности коня, все время находиться в движении, чтобы не дать им сосредоточиться вокруг себя. Потому что, в то время как его кольчуга могла защитить его собственное тело от большинства ударов, даже их оружием, самым примитивным, можно было быстро уложить коня. Поэтому он направился к ближайшему звере-человеку, направляя коня немного левее.

Когда железная пика пробила кость и мохнатую плоть, горный человек вскрикнул, выронил оружие и попытался схватить древко копья Конана. Рывок коня швырнул недочеловека на землю. Острие пики потянулось вниз, а противоположный ее конец поднялся. Пронесшись на коне сквозь разбежавшуюся толпу, Конан высвободил пику.

За его спиной горные люди взорвались хором криков и воплей. Они махали руками и кричали что-то друг другу, отдавая одновременно десятки противоречивых команд. Тем временем Конан резко развернул коня и галопом понесся сквозь толпу. Брошенное копье задело его покрытое кольчугой плечо; другое оставило небольшую открытую рану на боку коня. Но он направил свою пику в следующего горного человека и снова выехал со свободной пикой, оставив позади корчащееся, бьющееся тело обрызгивать снег алым.

На третий раз человек, которого он поразил копьем, покатился в падении и обломал древко пики. Выехав на свободное пространство, Конан отбросил обломок пики и схватился за рукоятку топора, который висел у него на седле. Когда он въехал в гущу еще раз, он наклонился из седла. Стальное лезвие сверкало огнем в зареве заката, когда топор описал огромную восьмерку с одной петлей налево и одной направо. С каждой стороны на снег упал горный человек с расколотым пополам черепом. Багряные капли забрызгали снег. Третий горный человек, который недостаточно быстро двигался, был сбит с ног конем Конана.

С воплем ужаса сбитый человек, шатаясь, встал на ноги и, хромая, побежал. Через мгновение шестеро остальных присоединились к его паническому бегству через ледник. Конан натянул поводья, чтобы посмотреть на их уменьшающиеся косматые фигуры и вдруг вынужден был спрыгнуть с седла, потому что его конь зашатался и упал. Копье с кремневым наконечником глубоко засело в туловище животного, как раз за

местом, где была левая нога Конана. Взглянув на животное, Конан понял, что оно мертвое.

«Прокляни меня Кром за мою глупость!» — проворчал он про себя. В северных краях кони были редкостью и дорого стоили. Этого жеребца он привез из самой Заморы. Он держал его в конюшне, кормил и баловал всю долгую зиму. Он не взял его с собой в поход с асами, зная, что глубокий снег и ненадежный лед практически сделают его практически бесполезным. Он рассчитывал, что верное животное доставит его в теплые края, а теперь оно лежало мертвое, и все из-за того, что он, повинуясь импульсу, вмешался в скору горных людей, к которой не имел никакого отношения.

Когда его тяжелое дыхание успокоилось и красный туман боевой ярости рассеялся из его глаз, он обернулся к девушке, из-за которой сражался. Она стояла в нескольких метрах, глядя на него широко раскрытыми глазами.

— С тобой все в порядке, милая? — промычал он. — Эти звери не ранили тебя? Не бойся, я не враг. Я Конан, киммериец.

Она ответила на диалекте, который он никогда раньше не слышал. Похоже, что это была одна из форм гиперборейского, в которой попадались слова из других языков — некоторые из немедийского, а некоторых он не знал вовсе. Он с трудом понимал половину из того, что она говорила.

— Ты сражаешься... как бог, — выдохнула она. — Я думала — сам Имир пришел спасти Илгу.

Когда она успокоилась, ему удалось из потока ее слов понять что произошло. Ее звали Илга, она была из племени вирунийцев — ветви гиперборейцев, которые перекочевали в Пограничное королевство. Ее народ жил в непрекращающейся войне с косматыми каннибалами, которые жили в пещерах в Эглофийских горах. В этой пустынной местности шла отчаянная борьба за выживание; если бы Конан не спас ее, каннибалы съели бы ее.

Два дня назад, объяснила она, она отправилась с небольшой группой вирунийцев, чтобы пройти перевал над ледником Снежного Дьявола. Отсюда они намеревались ехать верхом еще несколько дней на северо-восток до Сигтоны, ближайшей гиперборейской крепости. Там у них были соплеменники, с которыми вирунийцы собирались торговать на весенней ярмарке. Там же дядюшка Илги, который ехал с ними, думал подыскать ей хорошего жениха. Но они попали к косматым в засаду и только Илга уцелела в страшной схватке на скользких склонах. Последними словами дяди к ней перед тем, как ему раскроили череп каменным топором, были

слова лететь домой как ветер.

До того как она скрылась из виду горных людей ее конь поскользнулся на льду и сломал ногу. Ей удалось вовремя соскочить и, хотя и в синяках, убежать. Но косматые видели ее падение и часть из них бросилась стремглав за ней по леднику чтобы схватить ее. Ей показалось, что она убегала от них много часов. Но, в конце концов они догнали и окружили ее, как видел сам Конан.

Конан промычал сочувственно; его глубокая неприязнь к гипербoreйцам, основанная на его временном пребывании рабом на гипербoreйских плантациях, не распространялась на их женщин. Это была суровая история, но и жизнь в суровых северных краях была жестокой. Он часто слышал о подобных вещах.

Теперь, однако, у них появилась другая проблема. Наступала ночь и ни у нее, ни у Конана не было коня. Поднимался ветер и у них было мало шансов пережить ночь на поверхности ледника. Они должны найти убежище и развести костер, или к дани Снежному Дьяволу добавятся еще две жертвы.

3

Конан уснул глубокой ночью. Они нашли углубление под нависшей скалой сбоку от ледника, где растаяло достаточно льда, чтобы они могли втиснуться. Если повернуться спиной к гранитной поверхности утеса, усеянной глубокими бороздами и следами от трения ледника, было достаточно места чтобы вытянуться. Перед углублением поднимался край ледника — чистый, прозрачный лед, изборожденный полостями расщелин и туннелями. И хотя холод от льда пробирал их до костей, им все же было теплее, чем если бы они были на поверхности, где завывающий ветер толкал перед собой плотные снежные облака.

Илга не хотела идти с Конаном, хотя он дал ей ясно понять, что не причинит ей вреда. Она пыталась вырвать у него свою руку, выкрикивая непонятное слово, которое звучало примерно как «яхмар». Наконец, потеряв терпение, он слегка стукнул ее по голове и принес ее, потерявшую сознание, в сырое убежище пещеры.

Потом он ушел, чтобы подобрать свою медвежью накидку, оружие и припасы, привязанные к седлу. На скалистом склоне, возвышавшемся над ледником, он насобирал две охапки веток, листьев и поленьев, которые принес в пещеру. Там с помощью кремня и стали он развел небольшой костер. Он больше создавал иллюзию тепла, чем давал настоящее тепло, потому что Конан не осмеливался позволить ему разгореться, чтобы он не растопил находящуюся рядом стену ледника, вынудив их покинуть их убежище из-за воды.

Оранжевые отблески огня глубоко освещали трещины и туннели, которые уходили в тело ледника, пока их извилины и ответвления не терялись в смутной дали. Негромкое журчание текущей воды достигало ушей Конана, то и дело прерываемое скрипом и хрустом медленно двигающегося льда.

Конан снова вышел на обжигающий ветер, чтобы отрубить от окоченевшего трупа коня несколько толстых ломтей мяса. Он принес их в пещеру, чтобы поджарить на концах заостренных палок. Жаркое из конины и ломти черного хлеба из перметной сумы, залитые горьковатым асгардским пивом из бурдюка составили грубую, но питательную трапезу.

Казалось, что Илга пришла в себя, когда поела. Сначала Конан подумал, что она все еще сердится на него за то, что он ее ударил. Но постепенно он увидел, что она вовсе не думает об этом происшествии.

Напротив, она была охвачена страшным ужасом. Это был не тот обычный страх, который она испытывала к банде косматых зверей, которые преследовали ее, но глубокий, суеверный ужас каким-то образом связанный с ледником. Когда он попытался расспросить ее, она не смогла сказать ничего, кроме одного слова: «Яхмар! Яхмар!» и ее прекрасное лицо стало бледным и исказилось от ужаса. Когда он попытался узнать у нее значение этого слова, она сделала только какие-то мало понятные жесты, которые ему ничего не объяснили.

После еды, согревшиеся и уставшие, они завернулись вдвоем в медвежью накидку. Ее близость навела Конана на мысль, что если с ней разок хорошо заняться любовью, ее мозг успокоится и она сможет поспать. Его первые пробные ласки показали, что она вовсе не против. Не осталась она безответной к его юношескому пылу; как он вскоре обнаружил, она не была новичком в этой игре. После часа любовных утех она тяжело дышала и вскрикивала от страсти. Потом, подумав, что она теперь расслабилась, киммериец свернулся и заснул как убитый.

Девушка, однако, не спала. Она лежала, напрягшись, всматриваясь в черноту, которая зияла в ледяных полостях за слабым светом кучки тлеющих углей. И вот, перед рассветом, пришло то, чего она боялась.

Это был слабый свист — тонкая завывающая нить музыки, которая обвила ее мозг пока она не стала беспомощной как попавшая в сеть птичка. Сердце трепетало у нее в груди. Она не могла ни пошевелиться, ни произнести звук, даже чтобы разбудить похрапывающего рядом с ней юношу.

Потом в отверстии ближайшего ледяного туннеля появились два диска холодного зеленого огня — два больших круга, которые прожгли ее молодую душу и набросили на нее смертельное заклятие. За этими пылающими дисками не было ни души, ни ума — только беспощадный голод.

Словно лунатик Илга встала, не заметив как соскользнула к ногам ее сторона медвежьей накидки. Обнаженной белой фигуркой на фоне сумрака она пошла вперед в темноту и исчезла. Дьявольский свист звучал все тише и смолк; холодные зеленые глаза вздрогнули и исчезли. Конан продолжал спать.

4

Конан проснулся внезапно. Какое-то жуткое предчувствие — какое-то предупреждение от сверхострых чувств варвара — кольнуло током кончики его нервов. Подобно некоторым воинственным лесным кошкам Конан мгновенно перешел от глубокого, без сновидений, сна к полной пробужденности. Он лежал не двигаясь, исследуя свое окружение всеми органами чувств.

Затем с глубоким ревом, грохочущим в его могучей груди, киммериец встал на ноги и обнаружил, что он один в пещере. Девушки не было. Но ее меховые одеяды, которые она разбросала во время их любовных игр, были все еще здесь. У него нахмурились брови. Опасность все еще витала в воздухе, царапая своими тонкими пальцами кончики его нервов.

Он поспешил надеть на себя одежду и оружие. Сжав в кулаке топор, он ринулся в узкое пространство между нависшей скалой и краем ледника. Ветер наверху утих. Хотя Конан чувствовал в воздухе приближение зари, свет утра еще не притупил алмазное сверкание тысяч пульсирующих над головой звезд. Горбатая луна висела низко над западными вершинами, покрывая бледным золотым светом снежные поля.

Острым взглядом Конан ощупывал снег. Возле нависшей скалы он не увидел ни отпечатков ног, ни каких бы то ни было следов борьбы. С другой стороны, невозможно было представить себе, чтобы Илга ушла в лабиринт туннелей и расщелин, где идти было практически невозможно даже в обуви с шипами и где от одного неверного шага можно было погрузиться в один из тех холодных потоков из растаявшего льда, которые бегут по дну ледников.

У Конана зашевелились волосы на затылке от странности исчезновения Илги. Будучи в душе суеверным варваром, он не боялся ничего смертного, но был полон страхами жутких сверхъестественных существ и сил, которые таились в темных углах первобытного мира.

Вдруг, продолжая свои поиски на снегу, он застыл. Мгновение назад что-то появилось из проема во льду в нескольких шагах от каменного навеса. Оно было огромным, длинным, мягким и волнообразным и двигалось без помощи ног. Его извивающийся след был хорошо заметен по неровной тропинке, продавленной животом в мягкой белизне, как от чудовищной змеи, живущей в снегах.

Заходящая луна светила слабо, но обостренным в дикой природе

зрением Конан мог легко проследить тропинку. Она вела, извиваясь между сугробами и выступающими краями скал вверх по горе от ледника — в сторону открытых ветру горных вершин. Он сомневался, что это была единственная тропинка.

Когда он пошел по тропинке — массивной черной мохнатой тенью, он прошел место, где лежал его мертвый конь. Теперь от туловища осталось всего несколько костей. След чудовища можно было различить возле останков, но с трудом, потому что ветер уже засыпал их свежим снегом.

Чуть поодаль он нашел и девушку, вернее то, что от нее осталось. У нее не было головы, а вместе с ней и плоти всей верхней части туловища так, что белые кости светились как слоновая кость в рассеянном лунном свете. Выступающие кости были очищены, как если бы мясо было обсосано с них или соскоблено каким-то многозубым языком.

Конан был воином, суровым сыном сурового народа, и видел смерть в тысячах разных видов. Но сейчас мощная ярость сотрясала его. Несколько часов назад эта стройная, теплая девушка лежала в его могучих объятиях, отвечая страстью на страсть. Теперь от нее ничего не осталось, кроме чего-то распластанного и безголового, подобно поломанной и выброшенной игрушке.

Конан заставил себя осмотреть труп. С возгласом удивления он обнаружил, что он был насквозь промерзший и покрыт слоем твердого льда.

5

Конан задумчиво прищурился. Она покинула их убежище не больше часа назад, потому что накидка все еще хранила немного тепла ее тела, когда он проснулся. За такое короткое время теплое тело не может промерзнуть насеквоздь и покрыться коркой сверкающего льда. Такое не может быть в природе.

И тут он прорычал ругательство. Теперь он понял, с чувством отвращения и яростью в душе, кто забрал у него девушку. Он вспомнил полуза забытые легенды, которые слышал в детстве у костра в Киммерии. Одна из них была о ужасном чудовище, живущем в снегах, мрачной Реморе — снежном черве-кровососе, чье имя в киммерийском мифе превратилось в почти забытый шепот ужаса.

Он знал, что высшие животные излучают тепло. Ниже их по уровню развития шли покрытые чешуей или панцирем пресмыкающиеся, температура которых совпадала с температурой окружающей их среды. Но Ремора, червь ледяных земель, похоже, был уникальным в своем роде, потому что он излучал холод; так, по крайней мере, мог бы это сформулировать Конан. От него исходил такой жуткий холод, который мог заточить труп в ледяной панцирь за несколько минут. Поскольку ни один из соплеменников Конана не говорил, что видел Ремору, Конан полагал, что это существо давно вымерло.

Это, должно быть, и было то чудовище, которого так боялась Илга и о котором она тщетно пыталась предупредить его, произнося слово «яхмар».

Конан угрюмо решил проследить это создание до его логова и убить его. Мотивы его решения были туманны, даже для него самого. Но, несмотря на свою юношескую импульсивность идискую, не знающую законов, натуру, он имел свой грубый кодекс чести. Ему нравилось держать свое слово и выполнять обязательства, которые он свободно брал на себя. Хотя он не считал себя безупречным рыцарем и героем, он относился к женщинам с грубой добротой, которая контрастировала с жестокостью и свирепостью, с которыми он относился к представителям своего пола. Он воздерживался от насильного удовлетворения своей жажды к женщинам, если они сами того не хотели, и пытался их защитить, если считал, что они зависят от него.

Теперь он пал в собственных глазах. Приняв его грубый акт любви, девушка Илга отдала себя под его защиту. И вот, когда она стала нуждаться

в его силе, он спал как какой-нибудь одурманенный зверь. Не зная о гипнотическом свистящем звуке, которым Ремора парализует свои жертвы и с помощью которого чудовище держало его, обычно чутко спящего, в глубоком сне, он называл себя глупым, невежественным дураком за то, что не уделил должного внимания предупреждениям девушки. Он скрипел своими мощными зубами и кусал губы в ярости, решив стереть это пятно со своего кодекса чести, даже если это будет стоить ему жизни.

Когда небо посветлело на востоке, Конан вернулся в пещеру. Он связал в узел свои вещи и продумал план действий. Несколько лет назад он ринулся бы по следу ледяного червя, полагаясь на свою невероятную силу и на помощь острых лезвий оружия. Но жизненный опыт, если и не приучил до конца его необдуманные импульсы, то по меньшей мере научил началам осторожности.

Схватиться с ледяным червем голыми руками было бы невозможно. Малейшее прикосновение чудовища означало смерть от замерзания. Сомнительно было, что даже его меч и топор смогут быть полезны. От страшного холода металл, из которого они сделаны, мог стать хрупким, или холод мог подняться по их рукояткам и заморозить руку, которая их держит.

Но — тут мрачная усмешка заиграла на губах Конана, — возможно, ему удастся обратить силу ледяного червя против него самого.

Быстро и тихо он сделал все приготовления. Нажравшийся ледяной червь будет несомненно дремать в дневные часы. Но Конан не знал, сколько времени ему понадобится, чтобы достичь логова существа и боялся, что очередная буря может стереть его змеиный след.

6

Как оказалось, Конану понадобилось меньше часа, чтобы найти логово ледяного червя. Утреннее солнце едва поднялось над восточными вершинами Эглофийских гор, заставив снежные поля сверкать подобно мостовым из алмазных осколков, когда он наконец остановился перед входом в ледяную пещеру, куда привел его извивающийся в снегу след. Эта пещера уходила в небольшой боковой ледник, который впадал в ледник Снежного Дьявола. Отсюда, сверху, Конан мог проследить взглядом вниз по склону этот меньший ледник до места, где он поворачивал чтобы виться в основной подобно притоку реки.

Конан вошел в пещеру. Свет восходящего солнца сверкал и вспыхивал в прозрачном льду с обеих сторон, разбиваясь на многоцветные радужные блики. У Конана было ощущение, будто он идет каким-то волшебным способом сквозь твердое вещество огромного драгоценного камня.

Вскоре, когда он глубже проник в ледник, темнота застыла вокруг него. Тем не менее, он упрямо продолжал переставлять ноги, двигаясь вперед. Он поднял воротник своей медвежьей накидки, чтобы защитить лицо от леденящего холода, который разливался вокруг него, от которого болели глаза и который заставлял делать короткие неглубокие вдохи, чтобы не заморозить легкие. Кристаллы льда собирались на его лице в тонкую маску, которая распадалась при каждом движении, чтобы тут же появиться снова. Но он продолжал идти, бережно держа то, что он нес так осторожно под своей накидкой.

И вот во мраке перед ним возникли два холодных зеленых глаза, которые глядели в самую глубь его души. От этих светящихся шаров шло леденящее подводное свечение. При этом слабом (так светятся некоторые грибы) свете ему было видно, что здесь пещера заканчивалась круглым колодцем, который был гнездом ледяного червя. Он свернулся во впадине своего гнезда во всю свою огромную длину, одно волнистое кольцо на другом. Его бескостная форма была покрыта шелковистым ворсом густого белого меха. Его рот представлял собой просто круглое отверстие без челюстей, сейчас сморщенное и закрытое. Над ртом из гладкой закругленной, не имеющей больше ничего, уграподобной головы мерцали два светящихся шара.

Насытившийся ледяной червь замер на два удара сердца, прежде чем отреагировал на присутствие Конана. За бесчисленные века проживания

этого снежного монстра в холодной тишине ледника Снежного Дьявола ни один человечишко не посмел бросить ему вызов в замороженных глубинах его гнезда. Теперь над Конаном зазвучала его роковая, вибрирующая, связывающая мозг песня, которая лилась на него успокаивающими, непреодолимыми, наркотическими волнами.

Но было слишком поздно. Конан отбросил накидку, чтобы открыть свою ношу. Это был его тяжелый стальной рогатый асгардский шлем, который он набил раскаленными углями из костра и в котором покоилась еще и головка топора, закрепленного петлей из подбородочного ремешка шлема, обхватывающей рукоятку. Сверху на рукоятку топора и ремешок была наброшена петля из узечки.

Держа поводья за один конец в руке, Конан начал раскручивать всю эту массу над головой, круг за кругом, как пращу. Поток воздуха раздул слабо тлеющие угли до красного, желтого, наконец до белого цвета. Завоняла горящая подкладка шлема.

Ледяной червь поднял свою тупую голову. Его круглый рот медленно открылся, открыв кольцо мелких, направленных внутрь зубов. Когда свистящий звук дошел до невыносимой высоты и черный круг рта двинулся в направлении Конана, он остановил вращение шлема на конце ремня. Он выхватил топор, рукоятка которого обуглилась, дымила и горела в том месте, где она входила в страшно светящуюся головку топора. Коротким броском он послал, закрутив, раскаленное добела оружие в пещеру утробы. Держа шлем за один из рогов, Конан швырнул пылающие угли вслед за топором. После этого он развернулся и побежал.

Конан так никогда и не смог понять, каким образом он добрался до выхода. Снежное чудовище, корчась в агонии, сотрясало ледник. Со всех сторон от Конана громоподобно трещал лед. Поток межзвездного холода больше не шел из глубины туннеля; его заменили ослепляющие, кружасщиеся водоворотом, облака пара, которые не давали дышать.

Оступаясь, поскользываясь, падая на скользкой, неровной поверхности льда, ударяясь то об одну стенку туннеля, то об другую, Конан наконец достиг открытого воздуха. Ледник дрожал у него под ногами от титанических конвульсий умирающего внутри чудовища. Столбы пара были из множества расщелин и пещер со всех сторон от Конана, который, поскользываясь и съезжая, сбегал вниз со снежного склона. Он срезал угол, чтобы сойти со льда. Но, до того как он достиг твердой поверхности горы с ее торчащими валунами и чахлыми деревьями, ледник взорвался. Когда раскаленная добела сталь головки топора встретилась с холодной внутренностью чудовища что-то одно должно было уступить.

С ревом крушения лед задрожал, сломался, швырнул стеклянные осколки в воздух и превратился в хаотическую массу льда и льющейся воды, которая вскоре скрылась под большим облаком пара. У Конана земля ушла из-под ног, он упал, перевернулся, покатился, заскользил и уткнулся, набив синяки, в валун на краю ледяного потока. Снег забил ему рот и залепил глаза. Большой кусок льда упал сверху, переворачиваясь, и ударился о камень, у которого лежал Конан, едва не похоронив его под обломками льда.

Полуоглушенный Конан выбрался из-под массы разбитого льда. Хотя, осторожно пошевелив конечностями, он понял, что обошелся без переломов, ушибов у него было столько, сколько бывает после сражения. Над ним от места, где раньше была пещера ледяного червя, а теперь чернел кратер, кружась, уходило вверх огромное облако пара и сверкающих кристаллов льда. Обломки льда вместе с ледяной кашей стекали в этот кратер со всех сторон. В этом месте весь ледник осел.

Понемногу пейзаж пришел в норму. Колючий горный ветер сдул облака пара. Вода от растаявшего льда опять замерзла. Ледник вернулся к своей обычной почти неподвижности.

Избитый и утомленный, Конан захромал вниз к перевалу. Таким покалеченным ему придется теперь пройти весь путь до самой Немедии

или Офира, если он не сможет купить, выпросить, одолжить или украсть нового коня. Но он шел с радостным сердцем, повернувшись лицом в синяках к югу — золотому югу, где блистающие города устремляли высокие башни к благодатному солнцу и где сильный мужчина, обладающий храбростью и удачей, мог завоевать золото, вино и мягких, полногрудых женщин.